

На войско, направленное к Юйцзюэлюй, возлагались большие надежды, однако Мэй Линь, не имея официального военного чина, за эти годы столкнулся с тем, что королевский дом Моняня успешно ограничил его влияние. В итоге ему удалось собрать менее шестидесяти тысяч воинов. Тем не менее, перед лицом Ван Юньи, чья армия превосходила его и по численности, и по оснащению, Мэй Линь оставался полон уверенности. Он рассуждал так: в Силинголе проживает более двухсот тысяч человек, разве может Ван Юньи удержать их всех? А если прибавить к этому еще пятьдесят тысяч воинов Юйцзюэлюй? Стоит только наладить связь между внутренними и внешними силами, как эта образцовая операция по уничтожению противника будет завершена, и город, принесший Ван Юньи столько славы, станет последним воспоминанием в его жизни.

Однако старик упустил из виду одну деталь: разве такой старый лис, как Ван Юньи, позволил бы себе оказаться в невыгодном положении? Он уже немало времени провел в столице, а до Юйцзюэлюй было всего несколько сотен ли, так что у него были все возможности отправить туда своих людей, чтобы навести справки. Жизнь людей в Юйцзюэлюй была тяжелой: с горных вершин они могли видеть роскошную и шумную столицу, но могли лишь смотреть издалека, жуя грубую пищу и лед. Не каждому выпадает шанс ощутить ту горечь, когда вокруг полно золота, а тратить его не на что. После долгих лет такой несправедливости в сердцах знати, когда-то беззаветно преданной королевскому дому Моняня, начали прорастать зерна сомнения, которые затем укрепились в умах их потомков. Ван Юньи не стал посылать им золото или драгоценности, он отправил им женщин. Это были не моняньские девушки и не случайные красавицы из Да-Ци, а специально отобранные в увеселительных кварталах певицы и танцовщицы, которых после падения столицы передали в руки Ван Юньи. Он дал им золото и наказал: в том городе среди снежных гор вас ждет куда больше.

Женщины благополучно добрались до Юйцзюэлюй и своими песнями и танцами быстро снискали расположение знати. Ван Юньи улыбнулся, но старик снова не учел одного: разве на изменчивом поле боя все может идти так гладко, как хочется?

Тот самый малоизвестный комендант Южного города, который не подчинился приказу о поддержке Западных ворот, который не стал, согласно уговору, принимать моняньского короля, а предпочел сбежать, тот, кто покинул родину и искал спасения в Юйцзюэлюй, наконец-то совершил поступок, достойный совести. Он ведь был родом из столицы, повидал немало подобных уловок с красавицами и прекрасно знал об амбициях циского старика Ван Юньи. Поэтому он решился, рискуя навлечь на себя неприятности, убедить знать Юйцзюэлюй держаться подальше от Ван Юньи. Хотя эти аристократы привыкли к лишениям, природная проницательность их не покинула, и они вскоре устроили проверку этим красавицам. К сожалению, Ван Юньи действовал безупречно: он не доверил никаких военных тайн ни одной из них, и проверка показала, что это всего лишь обычные женщины легкого поведения.

Знать Юйцзюэлюй продолжила пировать, а государство Ци различными дипломатическими способами выражало свою дружбу и расположение. Комендант Южного города не терял бдительности, понимая: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а если где-то предлагают даром, значит, расплачиваться придется жизнью. Но он больше не пытался давать советы, зная, что это бесполезно. Дожидаясь подходящего момента, он, с одной стороны, поддерживал связь со старыми друзьями в Юйцзюэлюй, а с другой — осторожно вел наблюдение. И вот однажды доверенный человек принес ему копию документа — секретное письмо, адресованное предводителю Юйцзюэлюй. Прочитав его, комендант Южного города задрожал всем телом. С

трудом придя в себя, он спросил принесшего письмо: — Я еще могу выйти из города? Устрой это как можно скорее!

Это была глубокая ночь двадцать второго числа девятого месяца. С момента прибытия этого документа в Юйцзюэлюй до того, как его тайно скопировали и передали коменданту, прошло уже более двух месяцев!

...Если столичный правитель согласится, Ци признает его новым главой вместо недостойного...

В то время моняньский король был еще жив, принцесса была на пике своего могущества, но Ван Юньи уже сделал следующий ход.

Единственное, что теперь мог сделать комендант Южного города — это как можно быстрее доставить это письмо Мэй Линю. Если войско Мэй Линя потерпит поражение под Юйцзюэлюй, в столице не останется сил для сопротивления циской армии, и дни королевства будут сочтены.

В ту безлунную ночь он наконец покинул город и, пришпорив коня, умчался в бескрайнюю тьму.

В эту же ночь Ван Юньи передал все дела Нин Юаню, а затем, казалось бы, праздно прогулялся в покои Гэн Чжуцю.

— В этот раз только ты можешь отправиться в Фэнъи. Я хотел, чтобы ты вернулся в столицу... но кабинет министров не согласился.

— Это не стало неожиданностью, я был готов. Наша дружба длится не первый год, не стоит недооценивать мои стремления.

Ван Юньи увидел, как тот улыбается, и почувствовал дрожь в сердце. Собравшись с мыслями, он произнес: — Ты правда не хочешь, чтобы Се Лунцин тоже поехал?

— Где сейчас взять свободных людей? Не сомневайся! Но есть одно дело...

Ван Юньи поспешил ответить: — Говори!

— Вэй Чи. Не позволяй ему ехать со мной!

— Почему? Сюй Юэ долго держал его при себе, все дела идут как по маслу, с ним тебе будет спокойнее.

— Несколько дней назад я говорил с ним. Он... хоть и книжник, и молод, но в нем есть отвага. Если он выживет, в нашей Ци станет на одного талантливое человека больше. Путь в Фэнъи сложен, войск мало, людей много, он больше не сможет заниматься бумажной работой, ему придется идти на передовую. Он ведь еще ребенок. Если будет с тобой, пока ты жив, он сможет вернуться в столицу целым и невредимым. А со мной... кто знает, что случится...

Ван Юньи отмахнулся, прерывая Гэн Чжуцю: — Я не цветок выращиваю, как можно так с ним носиться? Он твой подчиненный, сейчас настало время проявить верность, не пытайся его выгораживать!

Гэн Чжуцю вздохнул: — Ты уходишь от ответа! Моя поездка в Фэнъи — это спасение жизни, а если ты позволишь ему ехать со мной — это верная смерть! В пути тысячи людей, кто за кем уследит? За несколько тысяч ли он может погибнуть, так и не доехав! Он всего лишь редактор из Академии Ханьлинь!

Ван Юньи долго молчал, а затем сказал: — Он должен следовать за тобой. Не пытайся меня переубедить. Отправляйся в Фэнъи, как следует отдохни, и в начале зимы мы, братья, снова встретимся!

Гэн Чжуцю понял, что спорить бесполезно, и кивнул. Ван Юньи посидел еще немного и вернулся в свои покои. Под утро Нин Юань вернулся с докладом: к этому времени все родственники Мэй Линя, оставшиеся в столице, были вырезаны. Пути назад у него больше не было.

При свете тусклой масляной лампы Ван Юньи смотрел на размытое лицо Нин Юаня и вспоминал их первую встречу десять лет назад. Тот был ученым-кандидатом, а теперь, позабыв о книжной натуре, стал правой рукой в военном ведомстве. Танхуалан, неужели и ты на такое способен?

Мэй Линь выступил из города, и поначалу путь был спокойным. Однако в полночь двадцать пятого числа солдаты учебного лагеря схватили лазутчика. Попав в плен, тот ничего не отвечал, лишь требовал встречи с самим Мэй Линем. Младшие офицеры не решились принимать решение и доложили по команде. В последние дни армия сильно вымоталась, и, почувствовав, что ситуация стабилизировалась, люди расслабились. Тот, кто передал донесение, решил, что это пустяковое дело о шпионе, отложил в сторону и забыл, вспомнив лишь к утру. Мэй Линь поначалу не придавал этому значения, но в душе зародилось смутное беспокойство. В конце концов он отбросил полотенце, которым умывался, и приказал привести лазутчика.

Комендант Южного города, охваченный тревогой, наконец дождался этой встречи. Оказавшись в повозке, он почти со слезами на глазах упал на колени: — Господин Мэй Линь! Это я, Цицзюй Ноло!

Мэй Линь вздрогнул от удивления: — Ты...?

Цицзюй Ноло прополз на коленях вперед: — У меня есть секретное письмо, касающееся вашей жизни, прошу, взгляните!

Мэй Линь, наполовину сомневаясь, наполовину пораженный, все же приказал развязать его и взял копию письма. Прочитал — и пришел в ужас! В письме говорилось, что циская армия отдала все выгоды страны Юйцзюэлюй! Если бы он не увидел этого письма, то уже после обеда прибыл бы в Юйцзюэлюй. Неужели он попал в ловушку?

А может, этот человек — засланный агент Ван Юньи? То, что он бежал из Южного города, знали все... Но... Мэй Линь сжал тонкий листок бумаги: если бы это была ловушка, Ван Юньи подготовил бы документ со всеми печатями, а этот... лишь копия... Верить или нет?

Посылать людей для проверки источника было уже поздно! Мэй Линь нахмурился.

— Стража! Убить этого дерзкого предателя! — Мэй Линь с силой бросил письмо на землю.

— Господин! — отчаянно закричал Цицзюй Ноло. — Я не предатель! Все, что сказано в письме — чистая правда!

Мэй Линь холодно усмехнулся: — Признаешься — может, пощажу!

— Господин, прошу, разберитесь! Господин, умоляю! — солдаты потащили его из палатки.

Вскоре офицер принес в повозку голову Цицзюй Ноло.

— Он так и не изменил своих слов? — спросил Мэй Линь.

— Отвечаю господину, он только молил разобраться, больше ничего не сказал.

Мэй Линь отпустил офицера, молча поднял листок бумаги, еще раз прочитал его и произнес: — Сегодня разбиваем лагерь, пошлите людей в Юйцзюэлюй для разведки! Немедленно!

Битва еще не началась, а обстановка менялась уже несколько раз.

Двадцать шестого сентября, в спокойный день, армия Вана, Юйцзюэлюй и Мэй Линь — каждый скрывался в тени своих заговоров, готовясь стать самым хитрым волком. Вэй Чи получил официальный приказ вместе с Гэн Чжую отступить к заставе Фэнъи.

У горного хребта Икэчжао было четыре выхода: Дулунь, Уланчабу, Баяньтала и, наконец, циская застава Фэнъи. Вэй Чи вошел через Дулунь, что на юго-западе хребта. Прямо на севере был Баяньтала, на юго-востоке — Уланчабу, а Фэнъи — на западе. Дорога была не из легких, но

торговые караваны чаще всего выбирали именно ее. Хотя на другом конце высоких гор Байюнь была застава Юйлун, она находилась на территории князя Вотолэя, путь через нее был непредсказуемым, да и до столицы Ци от Фэнъи было гораздо ближе, а значит, товар можно было продать дороже. Этот торговый путь существовал с давних времен, но саму заставу отстроил нынешний император. Раньше товары везли прямо в Цзясин, а Фэнъи был лишь маленькой почтовой станцией, где можно было передохнуть. Цзясин был хорош для торговли, но не для войны — защиты почти никакой. Стоило кочевникам прийти, как они могли запросто оказаться под стенами города. Раньше столица была на юге, и набеги были делом обычным, но теперь, когда столицу перенесли, расстояние сократилось до тысячи ли, и это место стало стратегически важным. Прежний император, ведя долгие войны, понял, что это место — бездонная бочка, сколько денег ни вкладывай, все впустую, и приказал превратить Фэнъи в город, создав одну из лучших крепостей. Местные жители были в основном владельцами постоянных дворов и конюшен, привыкшими к вольной жизни, и лишь спустя много лет двор смог навести там порядок. Туда-то и направлялся Вэй Чи.

На утренней перекличке двадцать шестого числа выяснилось, что из-за стратегического положения в Фэнъи постоянно дислоцировалось не более двух тысяч человек. У Ван Юньи людей было в обрез, он выделил Гэн Чжуцю полторы тысячи, в основном кавалерию, чтобы тот мог благополучно добраться.

Вэй Чи проверил припасы и доложил Гэн Чжуцю. Тот, еще не оправившись от тяжелых ран, не мог ездить верхом и полулежал в повозке. Гэн Чжуцю понимал, что без Вэй Чи полутора тысячам человек вряд ли удастся дойти обратно, ведь только этот малый умел обращаться с «плывущими деревьями», и вряд ли кто другой справился бы. Выслушав Вэй Чи, Гэн Чжуцю вздохнул и велел позвать Тан Хэ. Увидев Вэй Чи, Тан Хэ почувствовал себя неловко.

— Оба, — Гэн Чжуцю откашлялся, — вы знаете нынешнюю ситуацию, не время для распрей.

Тан Хэ, глядя на бледное лицо Гэн Чжуцю, почувствовал, как сжалось сердце: — Слушаюсь.

Вэй Чи тоже кивнул: — Раньше я вел себя по-детски, просто шалил, у меня нет никакой злобы на генерала Тана, господину не стоит беспокоиться из-за таких пустяков.

Гэн Чжуцю кивнул, и когда Вэй Чи отошел, подозвал Тан Хэ ближе: — Вэй, хоть и гражданский, но не из тех, кто любит вредить людям, иначе генерал Ван его бы не оставил. Будь с ним помягче, если возникнут разногласия, передай через Хуянлиня, не усложняйте друг другу жизнь.

Тан Хэ взглянул на раненую руку Гэн Чжуцю, глаза его покраснели, и он тихо ответил согласием.

В полдень небольшой отряд покинул Западные ворота и отправился в путь домой. Тан Хэ возглавил авангард, Ду Лан шел в арьергарде, а Вэй Чи отвечал за провиант и боеприпасы. Впереди был Икэчжао, а за ним — Ваэна, место, которое Вэй Чи ненавидел всей душой. Стоя на холме, он оглянулся на Уланчабу — именно здесь он когда-то опрометчиво бросился в бой и

едва не погиб. Тот город когда-то был позором Соэрхахана, а теперь стал... В тот день, когда он приехал, в сердце еще теплилось сочувствие к защитникам города, а теперь он понял: взлеты и падения случаются в мгновение ока. На этом поле боя ни Ван Юньи, ни Соэрхахань, ни Мэй Линь — никто не был непобедим, никто не владел ситуацией в полной мере, все ставили на кон свои головы. А он, сторонний наблюдатель, теперь тоже втянут в это. Неужели в этом мире действительно нельзя оставаться в стороне? Вэй Чи вздохнул. Раньше ему казалось, что армия Ван Юньи его не касается, что он должен лишь честно выполнять свой долг, что Монянь — не его дело, и он должен лишь соблюдать дипломатический этикет. Теперь он понял: никто не может остаться в стороне. Реальность такова, что это битва не на жизнь, а на смерть, где побеждает сильнейший.

Только... по тем нескольким месяцам, по людям и событиям, сердце невольно тосковало.

На севере князь Вотолэй наконец дождался поворота судьбы: Соэрхахань принес надежду и шанс на победу. Двадцать шестое число стало последним спокойным днем сентября.

<http://bllate.org/book/21780/2252243>